

«У меня нет крыльев феникса, но есть ответственность?»

Дуань Юньшэнь: «...»

Цзин Шо спросил:

— Не можешь придумать?

Дуань Юньшэнь ответил:

— Ага.

Дуань Юньшэнь поправился:

— ... Нет, нет, я просто собираюсь с мыслями.

Цзин Шо взял миску с кашей из чёрной курицы, перемешал ложкой и зачерпнул немного, попробовав.

Глотать было немного неприятно, но, похоже, можно было справиться.

Дуань Юньшэнь долго собирался с мыслями, но не мог найти подходящих слов.

В голове прокручивались цитаты из любовных писем Чжу Шэнхао, высказывания Ван Сяобо, даже сонеты Шекспира, и он чуть ли не начал листать в уме «Как закалялась сталь», но так и не понял, что именно стоит прочитать.

Цзин Шо уже съел половину миски, с интересом наблюдая, как Дуань Юньшэнь корчится от беспокойства.

Это было довольно подло, правда, использовать его реакцию как закуску к еде и получать от этого удовольствие.

На самом деле Цзин Шо с первого взгляда увидел, что было написано на записке, и просто решил подразнить его.

Дуань Юньшэнь боролся с собой, и когда миска почти опустела, он наконец протянул записку:

— Может, вашему величеству лучше самому прочитать?

Сдаюсь.

Пусть будет так, что будет.

В конце концов, это не было чем-то ужасным, и вряд ли его за это казнят.

Цзин Шо не взял записку, а спокойно спросил:

— Не будешь больше бороться?

Дуань Юньшэнь произнёс:

— ... Ваше величество все видит.

Цзин Шо взял записку и положил её в сторону:

— А если я сегодня хочу, чтобы ты сам мне это сказал?

Дуань Юньшэнь: ???

Брат, не будь таким подлым! Ты же видишь, что я не могу придумать! Что ты делаешь?!

Дуань Юньшэнь начал:

— Ваше величество...

Цзин Шо невозмутимо продолжил:

— Если ты скажешь что-то, что мне не понравится, то сегодня ты не получишь то, что хочешь.

То, что он хочет??

Дуань Юньшэнь задумался на пару секунд, а затем вдруг понял, что это за «то, что он хочет».

Это был тот самый спасительный поцелуй!

Ты же вчера целовал меня полностью, а сегодня не дашь?!

Если бы ты не был императором, я бы уже бросился на тебя, раздел и поцеловал тебя везде! Ты думаешь, можешь просто сказать «нет», и я не поцелую?!

Дуань Юньшэнь серьёзно подумал о возможности насильственного поцелуя, ведь внезапные атаки раньше срабатывали.

Цзин Шо предупредил:

— Если осмелишься поступить неподобающе, я позову стражу за дверью.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо приказал:

— Говори.

Дуань Юньшэнь стратегически поплакал немного, но Цзин Шо не обратил на это внимания.

Дуань Юньшэнь, находясь под сильным стрессом, решил полностью сдаться. Он выбросил из головы все стихи, цитаты и любовные письма.

Он начал пытаться прочитать текст песни:

— Пусть тебе будет тепло зимой, пусть тебе не холодно весной, пусть у тебя будет свет в темноте, пусть у тебя будет зонтик в дождь...

Цзин Шо: ?

Дуань Юньшэнь взял записку, разорвал её на кусочки и съел, прежде чем Цзин Шо успел остановить его.

Цзин Шо: ...

Дуань Юньшэнь уверенно заявил:

— Там было написано именно это, это мои пожелания вашему величеству.

Ну как, нравится? Звучит красиво? Теперь поцелуй меня!

Даже такой опытный человек, как Цзин Шо, был ошеломлён.

Дуань Юньшэнь продолжал смотреть с выражением: «Я был хорош, правда? Хвалите меня! Наградите меня!»

Цзин Шо смотрел на него три секунды, хотел рассмеяться, но одновременно почувствовал жалость.

Съесть записку было совсем не обязательно, и он не мог решить, было ли это глупо или мило.

Дуань Юньшэнь подождал несколько секунд, не получив ответа, и его странная гордость исчезла.

Не понравилось? Недостаточно красиво?

Может, спеть?

Цзин Шо поставил миску в сторону и жестом подозвал Дуань Юньшэня к себе.

Тот немедленно подошёл с чувством, будто идёт за наградой, и, чтобы удобнее было Цзин Шо, сидящему в инвалидном кресле, поцеловать его, он даже присел на корточки.

Присев перед Цзин Шо, он не получил ожидаемой награды, но Цзин Шо схватил его руку, перевязанную бинтами.

Дуань Юньшэнь: ??

Цзин Шо начал разматывать бинты.

Дуань Юньшэнь: ????

Он не стал вырывать руку, но с любопытством спросил:

— Ваше величество, что вы делаете?

Цзин Шо не ответил, продолжая разматывать бинты.

Когда он добрался до последнего слоя, то увидел, что марля прилипла к ране.

Цзин Шо осторожно отрывал её, маленькими кусочками, — в своей жизни он редко был так нежен с ранами.

С тех пор, как врач перевязал эту рану, Цзин Шо впервые увидел её в процессе заживления.

Честно говоря, она выглядела не так страшно.

Его собственные ноги когда-то были искалечены, и тогда раны выглядели куда ужаснее.

Если сравнивать с его опытом, рана Дуань Юньшэня была пустяком. Максимум — останутся

шрамы, но жизни это не угрожало.

Но почему-то Цзин Шо хотел спросить, больно ли ему.

Дуань Юньшэнь производил впечатление очень нежного человека — не в смысле капризности или грубости, а скорее что-то редкое и хрупкое, как драгоценное растение.

Красивое, редкое, ему нравилось, но оно было слишком нежным, казалось, что даже солнце или дождь могли бы лишить его половины жизни.

Поэтому, если бы такая рана была у него самого, он бы даже не подумал о том, чтобы спросить, больно ли.

Но на теле этого глупого, беззащитного человека она вызывала желание спросить.

Он уже решил заботиться о нём.

Дуань Юньшэнь сказал:

— Не больно.

Цзин Шо вздрогнул, он ещё ничего не спросил.

Дуань Юньшэнь пояснил:

— Выглядит страшно, но на самом деле ничего серьёзного.

Цзин Шо с холодным видом ответил:

— Выглядит не так уж страшно.

Как будто он вовсе не собирался проявлять заботу.

Дуань Юньшэнь: ...

Если не страшно, то почему ты так смотришь на мою руку?

Цзин Шо достал из кармана маленький флакон с лекарством, подходящим для раны на руке Дуань Юньшэня.

Накануне вечером, увидев, как евнух меняет повязку, он запомнил это и приготовил лекарство, чтобы сегодня самому помочь Дуань Юньшэню.

Его длинные, изящные пальцы с чётко выраженными суставами наклоняли флакон, и он аккуратно посыпал рану Дуань Юньшэня порошком:

— Во дворце столько слуг, чтобы облегчать жизнь господам. Береги свою руку, пусть они делают за тебя всё, даже еду и воду могут подать. И когда лезешь в окно, будь осторожен, стража во дворце не слишком сообразительна, тебя не поймают.

Стража во дворце дружно чихнула.

Дуань Юньшэнь задумчиво смотрел на пальцы Цзин Шо — они действительно заслуживали похвалы, красивые, белые, длинные, а чёткие суставы подчёркивали, что это рука мужчины, с

ощутимой силой.

Дуань Юньшэнь вдруг осознал, что, хотя тиран был инвалидом, он совсем не выглядел слабым.

Будь то вес, пальцы или его искалеченные ноги — Дуань Юньшэнь сидел на них и трогал их, они были довольно крепкими, совсем не такими, как можно было бы ожидать от инвалида.

Если бы кто-то более наблюдательный был на его месте, он бы начал подозревать. Но Дуань Юньшэнь лишь думал: «Круто! Даже инвалидом остаёшься в форме, заплатил автору романа?»

Изучив пальцы Цзин Шо, Дуань Юньшэнь переключился на его губы.

... Ну, место для изучения было немного странным, но что поделать, ведь он думал о своём спасении!

Тиран обещал награду, а вместо этого возился с его раной и бормотал — братан, ты выбиваешься из роли, ты же тиран, а не нянька!

Награду он так и не дал, может, мне самому нужно попросить?

Дуань Юньшэнь, задумавшись, начал отвлекаться.

Цзин Шо, закончив с рукой, поднял голову и увидел, что Дуань Юньшэнь смотрит на него задумчиво.

Цзин Шо спросил:

— Хочешь поцеловать меня?

Дуань Юньшэнь, всё ещё сидя на корточках перед креслом, машинально ответил:

— Да!

Цзин Шо улыбнулся, такой искренний, милый.

Цзин Шо спросил:

— То, что ты говорил раньше, правда?

Дуань Юньшэнь переспросил:

— А?..

Что именно?

<http://bllate.org/book/16211/1455548>